

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩАЯ ОСНОВА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

HERMENEUTICS AS A LEGAL TRANSLATION MEANING-GENERATING BASIS

*M. Novikova
A. Lebedeva*

Summary: The article is devoted to identifying the main problems of the legal acts' understanding and interpreting both within one and the same language and in a translation situation. Typical cases of unprofessional / illiterate legal language use by domestic and anglo-saxon legislators leading to misunderstanding or multiple interpretations of the legal norm by recipients are highlighted. To solve this problem, the domestic hermeneutic-legal methodology is optimally suited. In the article it has been established that the legal translation meaning-generating basis is the interaction of hermeneutic-legal and hermeneutic-translation methodologies within the framework of the cognitive-hermeneutic translation paradigm.

Keywords: legal act, legal translation, hermeneutic-legal methodology, hermeneutic-translation methodology, cognitive-hermeneutic translation paradigm.

Новикова Марина Геннадьевна

*Доктор филологических наук, доцент, профессор,
Российский государственный университет правосудия
(г. Москва)*

Novikova_mg@mail.ru

Лебедева Анна Александровна

*Доктор филологических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)*

lebsuch@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена выявлению основных проблем понимания и толкования текстов нормативно-правовых документов как в рамках одного языка, так и в ситуации перевода. Освещены типичные случаи непрофессионального / неграмотного использования юридического языка отечественными и зарубежными законодателями, ведущие к непониманию или множественному толкованию правовой нормы реципиентами. Для снятия данной проблемы оптимально подходит отечественная герменевтико-юридическая методология. Установлено, что смыслопорождающей основой юридического перевода является взаимодействие герменевтико-юридической и герменевтико-переводческой методологий в рамках когнитивно-герменевтической парадигмы перевода.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, юридический перевод, герменевтико-юридическая методология, герменевтико-переводческая методология, когнитивно-герменевтическая парадигма перевода.

Правовое поле поросло лесом законов, поэтому и в правовом поле можно наломать немало дров.

Константин Кушнер [7].

Слова российского историка и педагога К.А. Кушнера подтверждают актуальность выбранной темы исследования, поскольку указывают на существующие многочисленные проблемы в области понимания и толкования текстов нормативно-правовых документов даже в рамках одного языка, в ситуации перевода (при активном сопротивлении контактирующих языков и культур) число данных проблем резко возрастает.

Одним из возможных источников подобных сложностей понимания правовых текстов является высокий «толковательный потенциал» языка, когда, казалось бы, одну и ту же мысль возможно сформулировать и перефразировать, используя обширный набор различных лексико-грамматических средств, с одной стороны, и вариативность когнитивного восприятия конкретного дискурсивного сообщества (участников коммуникации в определенной правовой ситуации) с другой. Образуется своеобразный «смысловой барьер» между содержи-

ем нормативно-правового акта и его пониманием и последующим толкованием реципиентом.

Так, правовой текст несет не только лексическое содержание, но и «содержание, схваченное в отношении к бытию», к конкретной правовой ситуации, к другим содержаниям и самому реципиенту / правоприменителю. «Этот субъективный аспект и есть смысл текста. Важно: он создает зазор между тем, что есть, и тем, как это воспринимается <...> текст поэтому есть кристаллизованная рефлексия (правового) человеческого бытия. И в этом заключается его смысл. Восстановление этого «намерения» текста есть задача понимания» [3, с. 109].

Вариативность когнитивного восприятия заставляет в каждой системе значений, которой по сути и является правовой текст, искать помимо буквального смысла смысл вторичный, иносказательный, который может быть выражен и развит через буквальный [8, с. 113-117]. Данная способность человеческого мышления позволяет толковать одну и ту же правовую норму по-разному. Именно поэтому юридический дискурс возможно трактовать как динамичный юридический текст, находящийся в процессе понимания и разъяснения.

Исходя из базовой задачи текстов законов – регламентирование и регулирование общественных отношений населения в государстве, их возможное множественное толкование жизненно необходимо сводить к минимуму для обеспечения равноправного правового обслуживания граждан той или иной страны. Попытка решения данной задачи на лексико-грамматическом и стилистическом уровне вылилась в ряд требований к юридическому языку, используемому законодателем для написания нормативно-правовых актов. Так, к основным из них относят терминологическую насыщенность, устойчивость и однотипность употребления и ... **однозначность толкования** (sic!).

Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что для достижения желаемой однозначности толкования и простоты восприятия, юридический язык, будучи непрым искусственным феноменом, ещё более усложняется как в отечественной юриспруденции, так и в зарубежной. Подобное противоречие не осталось незамеченным и вылилось в ряд иронических исследований и высказываний в адрес английского юридического языка и критических замечаний в случаях «непрофессионального / неграмотного» использования русского юридического языка.

Так, например, отечественные законодатели в текстах правовых документов нередко допускают:

- неоправданное использование иноязычной терминологии вместо существующих аналогичных терминов в русском языке («листинг» вместо «список», «дистрибьютер» вместо «поставщик», «ритейлер» вместо «распространитель или магазин розничной торговли» т.п.). Непростая ситуация сложилась с термином «омбудсмен» древнескандинавского происхождения, который впервые стал использоваться для обозначения должности человека, решающего сложные вопросы в стране в отсутствие короля в Швеции в 1800-х гг. В настоящее время англоязычные словари выделяют два основных значения термина – «человек, расследующий и регулирующий жалобы частных лиц (пациентов, потребителей, работников и пр.) против соответствующих организаций» и «чиновник, расследующий жалобы о злоупотреблении должностными обязанностями государственными служащими» [12.1]. В русском языке после заимствования у данного термина появилось ещё три значения, закрепленные на законодательном уровне в разных видах права – «финансовый уполномоченный», «общественный примиритель на финансовом рынке» и «уполномоченный по правам человека». Подобная искусственно созданная полисемия не способствует достижению искомого однозначного толкования правовых документов;

- злоупотребление дефинициями, когда в текстах законов даются определения не только юридическим научным понятиям, но и словам, не относящимся к терминологии. Примером послужат изменения, внесенные в федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» 28 февраля 2023 г.: выражение «быть идентичными по содержанию и техническому оформлению» заменили словами «быть идентичными по содержанию, равнозначными по размещению и техническому оформлению (иметь одинаковые параметры – цвет, тип и размер шрифта)» [4]. Однако следует отметить, что изменения в тексты законов вносятся на основании анализа полученных запросов от населения и выявленных случаев неправильного понимания того или иного положения нормативно-правового акта, следовательно, в некоторых случаях лексико-синтаксическое усложнение юридического текста может быть вынужденным;
- «юридизацию» элементов разговорной и публицистической лексики, а также профессиональных жаргонизмов, что может исказить смысл формулируемой юридической нормы, затруднить ее понимание и правоприменение. Так, например, даже в федеральном законе можно встретить выражение «отмывание денежных доходов» вместо термина «легализация» с устоявшимся значением [2, с. 107];
- намеренное использование длинных сложноподчиненных предложений, ввиду чего смысл правовой нормы улавливается с трудом и т.д. [6].

Феномен юридического языка в англоязычных странах приобрел специальный термин «Legalese». Его необоснованная сложность, а иногда и несуразность, стала источником множества шуток и иронических высказываний.

Например, известный американский юрист, исследователь проблем, связанных с юридическим языком, А. Фридман отмечает, что «Nothing in the realm of **legalese** is quite what it seems. Consider the fact that Congress once passed legislation declaring that ‘September 16, 1940 means June 27, 1950.’ In New Zealand, the law says that a ‘day’ means a period of 72 hours... To American lawyers, a 22-year-old document is ‘ancient,’ while a 17-year-old person is an ‘infant’» [9]. (В юридическом языке все может быть не тем, чем кажется. Так, например, Конгресс однажды принял закон, провозглашающий, что «16 сентября 1940» года означает «27 июня 1950 года». В Новой Зеландии, согласно одному из законов, «сутки» означают период времени в 72 часа... Для американских юристов документ 22-летней давности считается «древним», а 17-летний человек – «младенцем» – перевод наш – М.Н., А.Л.).

Или же облетевший весь мир шуточный 'перевод' простой и понятной фразы «I give you this orange – я даю тебе этот апельсин» на юридический язык, отражающий все особенности **legalese**, составленный безымянным служителем Фемиды:

Know all the persons by these presents that I hereby give, grant, bargain, sell, release, convey, transfer, and quitclaim all my right, title, interest, benefit, and use whatever in, of, and concerning this chattel, known as an orange, or *Citrus aurantium*, together with all the appurtenances thereto of skin, pulp, pip, rind, seeds, and juice, to have and to hold the said orange together with its skin, pulp, pip, rind, seeds, and juice, for his own use and behoof, to himself and his heirs, in fee simple forever, free from all liens, encumbrances, easements, limitations, restraints, or conditions whatsoever, any and all prior deeds, transfers, or other documents whatsoever, now or anywhere made, to the contrary notwithstanding, with full power to bite, cut, suck, or otherwise eat the said orange or to give away the same, with or without its skin, pulp, pip, rind, seeds, or juice [10].

Настоящим доводится до всеобщего сведения, что я, пребывая в здравом уме и ясной памяти, обозначенным лицам даю, предоставляю, передаю, продаю и отказываюсь от своих прав, интересов и выгод от использования всего, что связано с этим движимым имуществом, известным как апельсин или лат.: *Citrus aurantium* вместе со всем свойственным ему: кожурой, мякотью, косточками и соком навсегда в полную собственность для безграничного обладания указанным апельсином вместе с его кожурой, мякотью, косточками и соком, а также его непосредственного использования в собственных интересах и интересах наследников, без каких-либо залогов, обременений, ограничений или каких бы то ни было условий всех предыдущих актов передач или других документов для того, чтобы кусать, резать, сосать или иным образом есть указанный апельсин или передать его иным лицам вместе со свойственными ему: кожурой, мякотью, косточками и соком или без них (интерпретация наша – М.Н., А.Л.).

Приведенные доводы и примеры доказывают необходимость разработки эффективной методологии для снятия возможности неоднозначного понимания правовых норм и «неадекватной их реализации в процессе правотворчества или правоприменения, неоправданно расширительного или ограничительного толкования нормы права, а также игнорирования принципов верховенства права в конкретной ситуации правоприменения» [5, с. 8] даже в рамках одного языка, ибо без однозначного понимания текста нормативно-правового акта его невозможно перевести на другой язык или же перевод не будет адекватным.

Согласно высказыванию известного французского

философа П. Рикёра, «в области идентификации текстового значения эффективными являются герменевтические методологии» [15, с. 38].

Действительно, юридическая герменевтика – наука, давно и плодотворно используемая в отечественной и зарубежной юриспруденции. Учёные в Российской Федерации выделяют среди основных целей этой дисциплины постижение смысла определенной правовой нормы в *конкретной ситуации* и выработку правового суждения для применения данной нормы. Другими словами, герменевтическое осмысление правовых феноменов позволяет найти или придать юридический смысл конкретной ситуации, конкретному отношению между людьми, которое может быть урегулировано правом как общеобязательным формально определенным и зафиксированным сводом правил поведения [5].

Зарубежные исследователи в силу особенностей английского юридического языка, осознавая внутреннюю «понимающую» задачу юридической герменевтики, настаивают на включении в сферу её интересов риторическую теорию аргументации. Имеется ввиду профессиональная подготовка аудитории к признанию обоснованности излагаемой правовой информации и принятию точки зрения говорящего. Причина повышенного интереса к риторическому искусству лежит, по их мнению, в концептуально открытой природе права и уверенности в том, что объективное правовое описание реальности невозможно, ибо оно находится в другом логическом измерении, чем язык [14, 17]. Более того, юридическая герменевтика, как утверждают зарубежные правоведы, должна быть основана на осознании «творческого элемента в языке», что дает возможность «судьям (подобно фокусникам) манипулировать реальностью, навязывая у сторон ложное чувство безопасности из-за множества мер предосторожности, доступных при толковании норм права» [11, с. 181-188]. Следовательно, в задачи юридической герменевтики должно входить не только выявление смысла правовой формулировки, но и учет эффектов различных интерпретаций с возможными прагматическими последствиями того или иного правового решения [16].

При сопоставлении юридических герменевтических методологий становится очевидным стремление отечественных правоведов к установлению конкретного случая правоприменения, в то время как англосаксонские ученые намеренно оставляют возможность для «правового манипулирования», которое маскируется под тенденцией правового развития, вместе с тем активно пропагандируется стремление к однозначности толкования.

Таким образом, для переводчика в качестве рабочей методологии целесообразно использовать наработки отечественной юридической герменевтики, ибо опреде-

ление конкретного случая правоприменения не только снимает проблему множественного толкования в пределах одного языка, но и очерчивает границы понимания непереводаемого, сложно-переводимого или имеющего множественные значения отрезка исходного текста нормативно-правового документа в ситуации перевода. Другими словами, именно юридическая герменевтическая методология делает процесс понимания конечным для переводчика.

Таким образом, отечественная юридическая герменевтическая методология должна быть включена в состав предложенной научному сообществу отечественным лингвистом Э.Н. Мишкурным **когнитивно-герменевтической парадигмы перевода**. Последняя определяется в качестве «системно выстроенной по принципу дополнительной дистрибуции дискурсивной соборности философо- / филолого-герменевтических, когнитивно-коммуникативной / когнитивно-прагматической, семиотико-интерпретирующих и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приемов перевода, а также перепорождения, перелагания, пере выражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующий ПТ на уровнях контентно-смысловом, функционально-стилистическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, символично-аллегорическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров» [1, с.166-167].

Методологической базой упомянутой парадигмы является «**Герменевтико-переводческий методологический стандарт**», который представляет собой четырехступенчатую матрицу, включающую в себя когниции предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения.

Когниция **предпонимания** представляет собой формирование «исходного» знания, необходимого и достаточного для осуществления переводческого процесса. На данном этапе на имеющиеся или обретенные фоновые знания накладывается расширенный трансдисциплинарный анализ ИТ, снимающий основные лексико-синтаксические и стилистические сложности.

Рассмотрим предложения:

*Most law firms have a **precedent** bank.*

*The court will sometimes use an **“armchair principle”** to clarify ambiguity.*

На этапе **предпонимания** определяем, что оба выделенных понятия относятся к англо-саксонской правовой системе. Термин **precedent** (от старого французского *precedent*, непосредственно от латинского *praecedentum*) стал употребляться в юридическом английском с начала XV века в значении «предшествующий случай или обстоятельство, которое может быть принято за правило в по-

следующих аналогичных случаях; установленный обычай, привычка или правило» [12.2]. Понятие **armchair principle** относится к толкованию завещания в тех случаях, когда его значение неочевидно, и судье приходится «учитывать внешние доказательства, то есть свидетельства обстоятельств наследодателя на момент составления завещания. Если, к примеру, завещание содержит исключительно слова: “All for mother”, и на момент его составления мать наследодателя была жива, судья должен учесть и внешние данные, показывающие, что при жизни наследодатель называл «матерью» свою жену, мать своих детей. Следовательно, в наследство должна вступить жена, а не мать составителя завещания» [13].

Когниция **понимания** обеспечивает глубокое проникновение в ИТ, выявляя и раскрывая всю систему текстовых, затекстовых и подтекстовых смыслов оригинала. Происходит преодоление межъязыковой асимметрии, сближение когнитивных диапазонов контактирующих культур. Именно на данном этапе необходимым условием адекватного понимания смысла иноязычного нормативно-правового акта является использование методологии юридической герменевтики, позволяющей определиться с видом правоприменения в каждом конкретном случае.

Другими словами, на этапе **понимания** мы определяем границы значений искомых терминов, а далее ищем и анализируем возможные случаи правоприменения понятий с предполагаемым значением в уже существующих юридических документах. Результат подробного анализа показывает, что значение термина **precedent** зависит от вида права: в контрактном праве – это «шаблон», в остальных случаях – «судебное решение». Значение термина **armchair principle** является устоявшимся, используемым в однотипных контекстах.

Когниция **интерпретации** позволяет сформулировать ряд адекватных вариантов перевода в соответствии со стратегиями «форенизации» или «доместикации».

Для первого понятия – это «набор шаблонов для создания необходимых документов» или «банк прецедентных судебных решений» в зависимости от вида права. Возможны и иные формулировки с идентичным значением. Для второго понятия считаем возможным подобрать русскоязычный фразеологизм со схожим значением или дать буквальный перевод, снабдив выбор переводческим комментарием: «принцип чужой шкуры», «принцип чужого места», «принцип чужого кресла» – обязанность учитывать внешние доказательства на момент составления завещания.

Когниция **принятия переводческого решения** есть свидетельство выбора оптимального, по мнению переводчика, варианта перевода для данного оригинала в

заданных хромотопных условиях, отчуждаемого в сферу читательской рефлексии:

1. В большинстве юридических фирм есть банк прецедентных судебных решений (или в контрактном праве – В большинстве юридических фирм есть набор шаблонов для создания необходимых документов).
2. По необходимости суд будет использовать принцип «чужого кресла», т.е. учитывать внешние доказательства на момент составления завещания для уточнения смысла последнего.

Таким образом, смыслопорождающей основой юридического перевода является взаимодействие герменевтико-юридической и герменевтико-переводческой методологий в рамках когнитивно-герменевтической парадигмы перевода с целью определения конкретного случая правоприменения в исходном тексте, снимающего возможность множественного толкования искомой правовой нормы, а также очерчивания границ понимания и интерпретации исходного текста нормативно-правового документа для создания адекватного варианта перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишкуроев Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 300 с.
2. Мурсалимов К.Р. Следование закономерностям права и соблюдение правил законодательной техники — основа высокого качества нормативных правовых актов // Вестник Московского университета МВД России. №8, 2013. С. 104-107.
3. Никитина Е.С. О понятии нулевого смысла текста // Культурноисторическая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 108-117.
4. «О государственном языке Российской Федерации» 28 февраля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028?index=1> (дата обращения: 28.11.23).
5. Писаревский А.Е. Юридическая герменевтика. Автореф. дис. ... к.филол.н., Краснодар, 2004. 32 с.
6. Погрешности языка закона. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/492666> (дата обращения: 13.12.23).
7. Праворуб. Профессиональное сообщество юристов и адвокатов. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravorub.ru/groups/2951381520300/8956.html> (дата обращения: 13.12.23).
8. Харитонов Л.А. Герменевтический подход к толкованию правовых норм // КриминалистЪ. 2011. №1(8). С. 113-117.
9. Freedman A. The Party of the First Part: The Curious World of Legalese. Henry Holt, 2007. URL: <https://www.thoughtco.com/legalese-language-term-1691107> (дата обращения: 28.11.23).
10. From Words to Deeds: Translation & the Law, 2012. URL: <https://wordstodeeds.com/2012/05/21/monday-smiles-i-give-you-this-orange/> (дата обращения: 16.12.23).
11. Jørgensen S. Lawyers and Hermeneutics // Legal Theory, April 2000. S. 181–188.
12. Merriam-Webster Dictionary Thesaurus. URL: 1) <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ombudsman>; 2) <https://www.merriam-webster.com/dictionary/precedent> (дата обращения: 28.11.23).
13. Oosterhoff A. When Can a Judge Sit in the Testator's Armchair? // Commentary, WEL Newsletter. May 27, 2021. URL: <https://welpartners.com/blog/2021/05/when-can-a-judge-sit-in-the-testators-armchair/> (дата обращения: 26.11.23).
14. Perelman Ch. Justice et raison, 2nd ed., Bruxelles, 1970.
15. Ricoeur P. Text to Action, transl. K. Blamey, J.B. Tompson. Evanston, 1991.
16. Taylor G.H. Legal Hermeneutics: The Text and Beyond. University of Pittsburgh. USA, 2017. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00071773.2017.1303121> (дата обращения: 07.10.23).
17. Viehweg Th. Topik und Jurisprudenz, 3. Aufl., München, 1965.

© Новикова Марина Геннадьевна (Novikova_mg@mail.ru), Лебедева Анна Александровна (lebsuch@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»